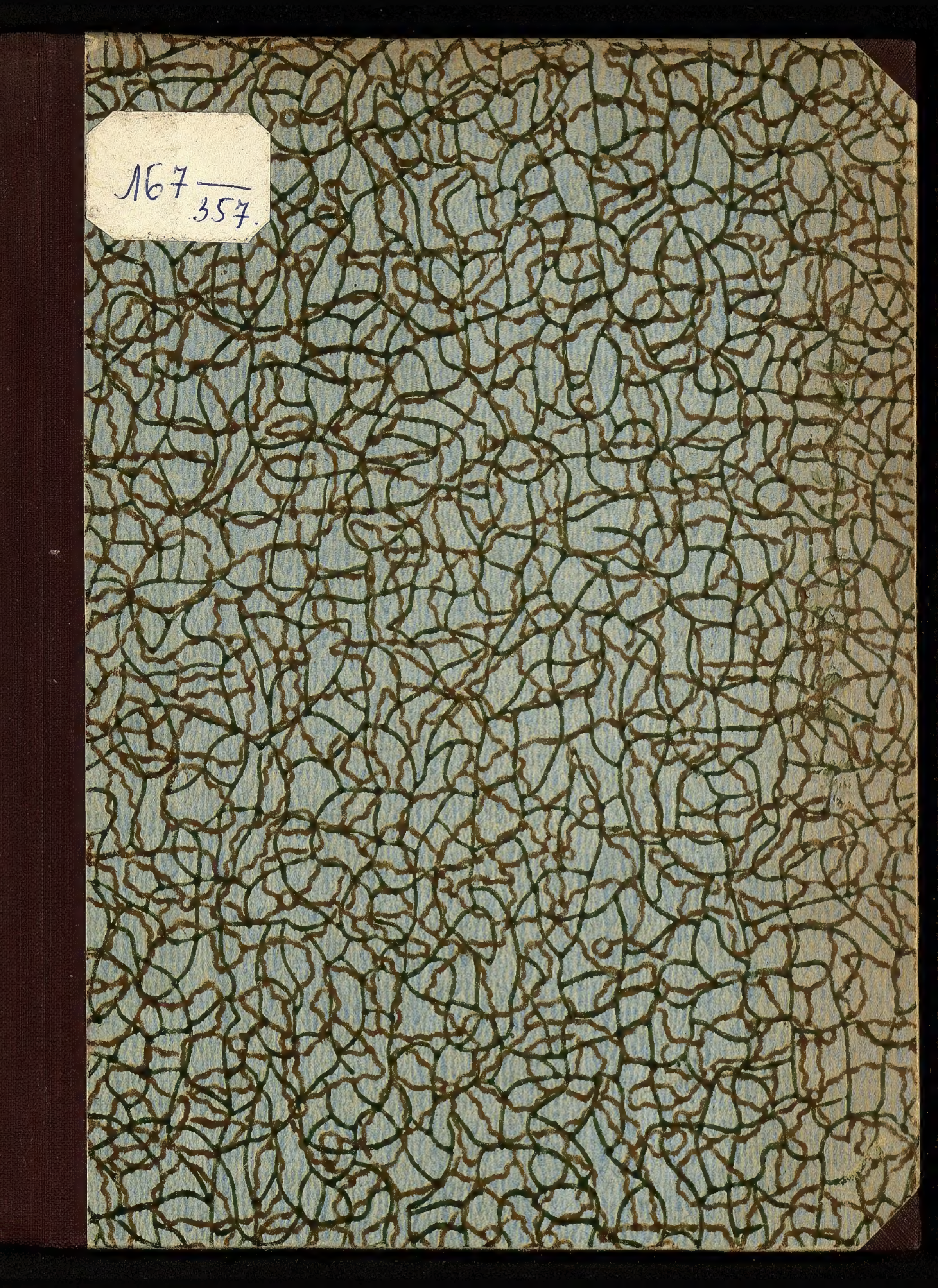
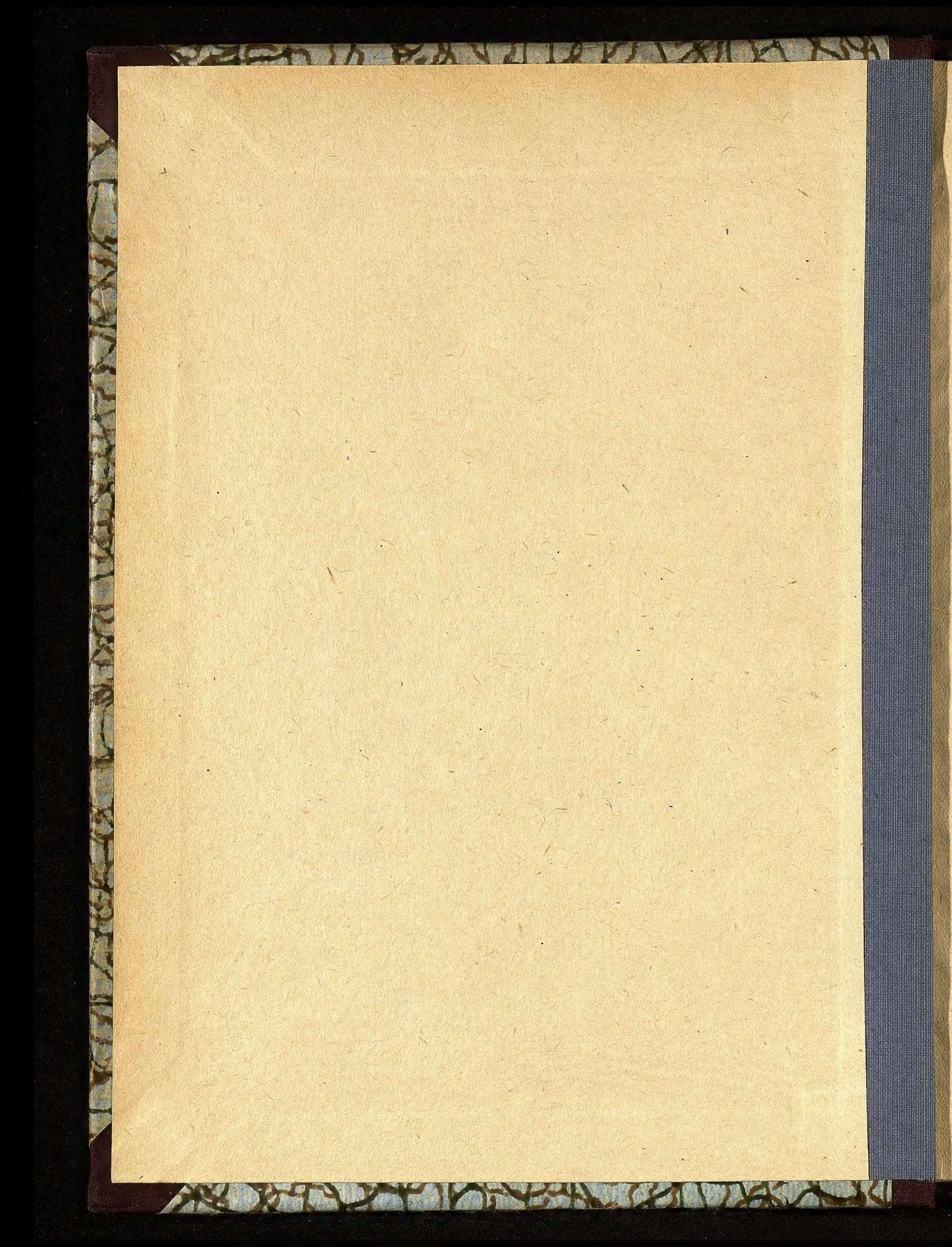
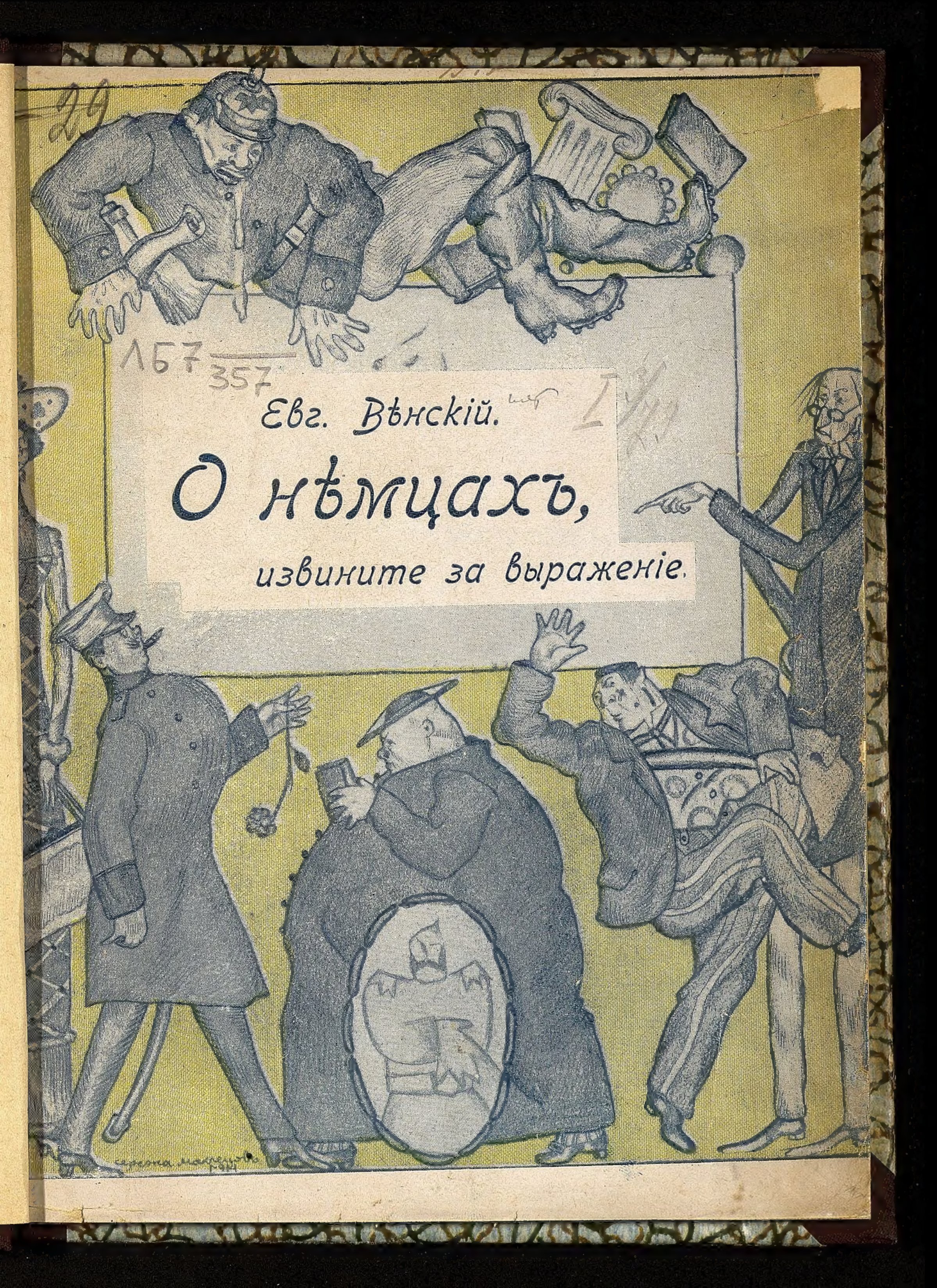

167 — 357.

Евг. Вѣнскій.
О нѣмцахъ,
извините за выраженіе.

Евг. Вѣнскій

О нѣмцахъ,

извините за выраженіе.

САТИРА и ЮМОРЪ

ПЕТРОГРАДЪ
Изданіе Н. А. СЕНКЕВИЧА
1915

Типографія Акц. Общ. Типографскаго Дѣла, 7 рота, 26.

„WACHT AM KÜCHEN!.“

(Новый гимнъ Германіи).

„Кухарки могутъ помочь бережливостью выиграть войну!..“
Берлинскій лозунгъ.

Въ домѣ — совсѣмъ какъ въ окопахъ на Вартѣ,
Словно въ тюрьмѣ иль въ классической Спартѣ:
Голодъ царитъ непостижный уму!
Марта, кухарка, — царица въ дому.
  Супъ недоваренъ, бифштексъ недожаренъ.
  Больше чайкомъ пробавляется баринъ.
  Бѣдная фрау (ахъ, Боже Ты мой!)
  Ѣстъ вмѣсто супа тарелку помой.
Баричи съ мѣсяцъ не видѣли супу,
Смотрятъ на булочки въ сильную лупу.
Марта одна толстоморда-полна...
Стража на кухнѣ мощна и сильна.
  Канули въ Лету былыя котлеты,
  Каши, рулеты, битки, винегреты...
  Вспомнишь, — вскипитъ омертвѣвшая кровь.
  Ужинъ, обѣдъ ли, — картофь да картофь...
Строго блюдетъ интересъ фатерланда
Честныхъ кухарокъ зловредная банда.

Къ чорту, учитель! Къ чертямъ, лейтенантъ!
Марта спасаетъ теперь фатерландъ.
Смотритъ на Марту съ почтеньемъ страна...
Стража на кухнѣ мощна и сильна.
Марта, о, Марта! о, леди Годива!
Слишкомъ ты, Марта, скупа, бережлива,
Только и свѣту — картофель да лукъ,
Кто разорветъ заколдованный кругъ?
Марта, о, Марта, красавица наша!..
Гдѣ антрекотъ, и разсольникъ, и каша?
Марта!.. Безъ кашъ истомилась страна.
Стража на кухнѣ мощна и сильна.
Мучитъ вопросъ неизбывно кошмарный:
Что-то ужъ больно толстѣетъ пожарный.
Явится ражій, мурластый, что котъ...
Супъ, и рубцы, и... и... и антрекотъ...
Ухъ, ненавистный обжора бездонный,
Въ Марту съ бифштексомъ безмѣрно влюбленный!
Дастъ же Господь необъятную пасть!
Примется чавкать, — поистинѣ страсть!
— „Што-й-то севодни блѣднѣе наваръ-то...
— Што-й-то не ѣстся мнѣ нонеча, Марта...
Такъ вотъ и далъ бы со зла по шеямъ!
Жри да молчи ужъ, неистовый хамъ!
Строго блюдетъ интересъ фатерланда
Честныхъ кухарокъ зловредная банда...
Ждетъ отъ кухарки спасенья страна,
Hoch! Wacht am Küchen мощна и сильна...

ЖЕРТВА ДОЛГА.

(Памяти чалой Буренушки).

— „Русскіе пользуются въ смыслѣ развѣдокъ и шпіонства стадами своихъ коровъ и овецъ. Коровы съ пятнами обозначаютъ кавалерію, сѣрыя — артиллерію. Быкъ генерала...“.

Рода Рода въ „Neue Freie Presse“.

Шло коровъ большое стадо до своихъ дворовъ,
И вело себя, какъ надо, общество коровъ.
Лишь корова дяди Прова
Въ обществѣ коровъ
Почему-то пресурово
Издавала ревъ.
Ѣхалъ мимо для развѣдки небольшой отрядъ.
Дѣльный юнкеръ Шмидтъ отмѣтки заносилъ въ докладъ.
Велъ отрядъ себя, какъ надо,
Занятъ массой дѣлъ.
Юнкеръ Шмидтъ, глава отряда,
Радостно ревѣлъ!

— Не спроста идетъ рядами авангардъ врага,
Не спроста вертитъ хвостами, въ бокъ скрививъ рога:
Что ни жестъ — сигналъ шпіонамъ,
Что ни ревъ — сигналъ!
А идетъ предъ эскадрономъ
Русскій генералъ!
Гей!.. За мной!.. Летимъ, какъ птица! Ардршъ!..
На перевѣсъ!
Вонъ луна Аустерлица пялится съ небесъ!
Налетѣлъ орломъ на стадо
Съ юнкеромъ отрядъ.
Искрошилъ врага, какъ надо,
Въ чаяньѣ наградъ.
Судъ былъ дьявольски недологъ, дьявольски суровъ:
Разстрѣляли 30 телокъ, 25 — коровъ;
Генерала-жъ по уставу,
Дисциплины рабъ,
Юнкеръ Шмидтъ, предвидя славу,
Взялъ съ собою въ штабъ;
Указалъ на брюхѣ пятна, мѣтку на рогахъ...
Черезъ полчаса, — понятно, — прозвучало „бахъ!“
Генерала разстрѣляли
И свезли въ оврагъ.
Не нашли при генералѣ
Никакихъ бумагъ.
Лишь сказалъ онъ, умирая: — Мнѣ-то не бѣда,
Міръ отъ края и до края просмѣетъ Рода, —

— Юмористъ, quod licet bovi, —
Знаютъ всѣ давно, —
То совсѣмъ нейдетъ коровѣ:
Глупо и смѣшно!
За поступокъ сверхполезный дали Шмидту мзду:
Крестъ повѣсили желѣзный, а подъ нимъ звѣзду.
Пили... — Шмидтъ, твое здоровье!
Будетъ въ парнѣ толкъ!
А въ степи мясцо коровье
Кушалъ прусскій полкъ...

ВИЛЬГЕЛЬМЪ БОНАПАРТЕ.

Кто онъ?.. Цезарь-ли могучій,
Онъ, богъ морей — Плутонъ,
Онъ напыщенно-трескучій
Оказарменный тевтонъ?
Можетъ быть, — онъ новый геній,
Въ міръ пришедшій, чтобы вновь
Людямъ дать подъ гулъ сраженій
Миръ и вѣчную любовь?
Можетъ быть, онъ хочетъ міру
Дать завѣтный идеалъ,
Чтобы каждый мечъ на лиру
И на плугъ перековалъ?
Нѣтъ, въ казарменномъ задорѣ
Онъ безумно захотѣлъ
Утопить въ кровавомъ морѣ
Милліоны вражьихъ тѣлъ...

Что онъ, грубый и суровый,
Скажетъ завтрашнему дню —
Этотъ геній трехвершковый,
Этотъ юнкеръ — парвеню?
Врагъ культуры и свободы,
Что онъ можетъ людямъ дать?
Не пойдутъ за нимъ народы
Умирать и побѣждать.
Нѣтъ! Кто съ нимъ, тотъ, рабски-льстивый,
Имъ истерзанъ и гонимъ.
И никто плакучей ивой
Не преклонится предъ нимъ.
Цѣлый міръ кричалъ безплодно:
— Эй, тевтонъ, умѣрь аллюръ:
Знай, что будутъ только Гродно,
Льежъ, Антверпенъ и Намюръ....
Сбрось возложенный Потсдамомъ,
Героическій вѣнокъ!
Ты окуренъ фиміамомъ —
И ничтожно одинокъ.
Ты не жди Аустерлица!
Даль грядущаго ясна:
Что ни шагъ, смотри, — таится
Вкругъ тебя Березина.
Самъ ты завтра, словно стебель,
Сникнешь въ пыль, ничтожно малъ, —
Ты — лишь маленькій фельдфебель,
Но не.... маленькій капралъ!

ТЕПЕРЬ.

Слава пышная подмокла.
Отъ всего кругомъ смердитъ.
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ.
Вмѣсто Гегеля и Канта
Влѣзъ въ науку на постой
Нѣкто, въ чинѣ лейтенанта,
Съ новымъ словомъ: „Рота стой!“.
Не слыхать симфоній Листа
И Бетховенскихъ сонатъ, —
Воетъ ундеръ голосисто
Новый маршъ на вахтпарадъ.
Нѣтъ ни Штука, ни Маккарта...
Ротмистръ въ геніи готовъ, —
Полнъ военнаго азарта,
Пишетъ „Линіи фортовъ“...
Всюду онъ, великій ундеръ,
Грозный, мѣдный и пустой,
Кѣмъ недавно на цугундеръ
Взяты Гоголь и Толстой...
Тучей претъ онъ, словно вобла,
Какъ степная саранча,
„Чудо озорно и обло“
Съ пышнымъ чиномъ — палача...

ВО МГЛѢ ВѢКОВЪ.

Что будетъ, — спрашиваешь ты, —
Въ дали исторіи грядущей,
Когда исполнятся мечты
Германской націи презлющей,
　　Какъ будетъ выглядѣть тогда
　　Европа, вся въ тевтонскій каскѣ,
　　Какъ въ блескѣ мира и труда
　　Мы будемъ жить по ихъ указкѣ?
Такая, — думается мнѣ, —
Польется жизнь по новымъ рельсамъ,
Какой не выдумать во снѣ
Ни Омулевскимъ, ни Уэльсамъ...
　　Все покоривъ, отъ счастья пьянъ,
　　Тевтонъ изъ насъ устроитъ смятку;
　　Всѣхъ бриттовъ, франковъ и славянъ
　　Сошлетъ подальше, — на Камчатку.

Займетъ Европу цѣликомъ,
На ней разляжется вальяжно
И за сигарой и пивкомъ,
Начнетъ житье солидно-важно.
Карпаты, Альпы и Кавказъ,
Валдай, Вогезы, — въ общемъ горы, —
Въ то время будутъ изъ колбасъ,
На счастье всякаго обжоры.
Всѣ рѣки пивомъ потекутъ,
Баварскимъ пивомъ, знаменитымъ!
И будутъ нѣмцы тамъ и тутъ
Лежать на бережкѣ со шнитомъ.
Тяни хоть цѣлые часы,
Хоть дни, хоть сутки, хоть недѣли
Рвани съ пригорка колбасы —
И позабудь совсѣмъ о дѣлѣ.
А надоѣла колбаса, —
Кругомъ стоятъ большія миски,
А въ нихъ варятся (чудеса!)
Съ капустой вѣнскія сосиски.
На каждомъ кустикѣ кругомъ
Растутъ, не меньше цеппеллина
Съ благоухающимъ дымкомъ
Гаванны Риги и Берлина.
Пивкомъ журчатъ кругомъ ручьи
И даже портеромъ (попроще);
Поютъ и свищутъ соловьи
О Гогенцоллерновской мощи.

Ихъ пѣсня, словно мозельвейнъ,
Благоуханно въ душу льется.
Тамъ по привычкѣ „Wacht am Rhein“,
Стрижомъ и галкою поется.
Тамъ, что ни шагъ, въ поляхъ, въ кустахъ,
И на лугу, и на опушкѣ,
Стрѣляютъ ворогамъ на страхъ
Стомиллиметровыя пушки.
Великъ и славенъ Фатерландъ!
Сапожникъ ходитъ въ аксельбантахъ,
Послѣдній Михель — лейтенантъ,
Карлушка всякій — въ интендантахъ.
Тамъ неустанно ночь и день
Самъ кайзеръ ѣздитъ по отчизнѣ
И порeтъ, старый, дребедень
О кулакѣ и смыслѣ жизни.
Пріѣдетъ, влѣзетъ на балконъ,
Дьячкомъ откашляется, взглянетъ,
И, будто въ древній Типиконъ,
Рѣчь говорить народу станетъ.
Ему отвѣтятъ мощнымъ „Hoch!“
Опять по горкамъ разойдутся
И, гдѣ ручей не пересохъ,
Пивка за кайзера напьются.
Тамъ обучаютъ школяровъ
Для вахтпарадовъ маршировкѣ,
На площадяхъ и у дворовъ
Великой воинской сноровкѣ.

Науки пышно тамъ цвѣтутъ:
Нѣтъ разныхъ Гегелей и Кантовъ,
Зато полно и тамъ и тутъ
На всѣхъ каѳедрахъ лейтенантовъ.
Взгляни въ любой науки залъ, —
Похоже дьявольски на роты:
Что ни профессоръ — генералъ,
Что ни доцентъ — майоръ пѣхоты.
Есть даже „докторъ всѣхъ наукъ“
(Какой аллюръ, какая скачка!)
Наполеона-Клука другъ —
Гнѣдая лошадь „Die kazatschka“.
Есть философіи магистръ,
Носъ утеревшій всѣмъ Спинозамъ, —
Въ дѣлахъ военныхъ скоръ и быстръ,
Самъ управляющій обозомъ.
Въ старинномъ Реймсѣ, гдѣ соборъ
Стоялъ, всю площадь занимая, —
Теперь у нихъ, съ недавнихъ поръ,
Тюрьма прекрасная, большая.
Не любитъ стараго тевтонъ,
Какъ догорѣвшаго огарка:
Тамъ былъ когда-то Пантеонъ,
Тамъ Луврь, Нотръ-Дамъ, тамъ башня Марка, —
Давно-давно ихъ больше нѣтъ,
Зато казармы, бастіоны,
Тамъ фортъ, тамъ вышка, тамъ люнетъ,
И всюду, всюду „павильоны“.

Зачѣмъ старье?.. Давай комфортъ!
Давай поболѣе новинокъ:
Мортиру, бомбу, новый фортъ,
А за старьемъ ступай на рынокъ.

Ну, вотъ, — картина такова,
Какъ будетъ выглядѣть Европа...
Кружится сладко голова,
Такъ отъ духовъ Геліотропа...
Кругомъ и гладь, и благодать, —
Все такъ воинственно и чинно...

И можно-бъ больше разсказать, —
Да только выйдетъ больно длинно...

БЕРЛИНЕЦЪ.

Ахъ, Господи Боже!..
Чего же, чего-же?!.
Не знаю, — досада,
Чего-бы мнѣ надо.
Побѣды надъ Рузскимъ,
Надъ флотомъ французскимъ,
Блокады Либавы,
Разгрома Варшавы?
Сверкающей славы?..
Чего-же мнѣ надо?
Стаканъ шоколада?
Ни кофе, ни чаю, —
Убей, — не желаю,
Ни устрицъ Central'я,
Ни воплей „Lokal'я",
Ни тьмы одалисокъ,
Ни миски сосисокъ...
Мученія ада!..
Чего-же мнѣ надо?!.
Тоскливо... тоскливо...
Да не пилъ я пива!
Велѣніемъ Вилли
Биргалле закрыли!
О, гдѣ ты, отрада?
Биргалле мнѣ надо!

АДСКАЯ МЕСТЬ.

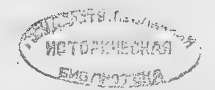
(Исключительно нѣмецкая и исключительно глупая трагедія).

Карлуша Пупхенъ былъ томимъ
Знойнѣйшей къ Эммѣ страстью,
И Эмма таяла предъ нимъ,
Какъ жуликъ передъ частью.

А какъ красивъ Карлуша былъ!
Ну, — вы представьте сами:
Со звономъ саблю волочилъ
И шевелилъ усами...

Карлуша Пупхенъ былъ корнетъ,
Она — демимондэнка.
Онъ былъ чарующій брюнетъ,
Она была шатенка.

Карлуша думать не любилъ
И ненавидѣлъ книжки,
И Эмма тратила свой пылъ
На легкія интрижки.

Но разъ Карлуша къ ней пришелъ
И очень удивился:
— Псстъ!.. это что тамъ за оселъ?..
Соперникъ появился?!

Студентъ тамъ Фридрихъ возсѣдалъ
На пуфѣ передъ Эммой
И пылко Эмму занималъ
Какою-то проблемой.

— Отдать мнѣ честь! — сказалъ корнетъ, —
Привѣтъ отрявкать четко!
А коль у васъ желанья нѣтъ,
То маршъ до околотка!

Поникнулъ Фридрихъ головой,
Со щекъ пропали краски.
И сдалъ его городовой
Дежурному въ участкѣ.

Но зрѣла месть въ его груди
И клокотала злоба:
Что-бъ ни случилось впереди, —
Онъ будетъ мстить до гроба.

И пробилъ страшной мести часъ.
Что измышленья ада!
Корнетъ съ Матильдой ѣхалъ разъ
Въ „Ампиръ“ изъ „Эльдорадо“,

И, напѣвая парагвай,
Клялъ длинную дорогу.

Моторъ наѣхалъ на трамвай, —
Сломалъ Карлуша ногу.

И привезли его въ покой
И доктора позвали.
Изъ тѣла кровь лилась рѣкой
И хрящики трещали.

Вдругъ Фридрихъ вышелъ и вопросъ
Строжайшій далъ швейцару:
— А кто сюда его привезъ?
Везти къ ветеринару!

Карлуша Пупхенъ умиралъ
Въ дорогѣ ночью темной,
А Фридрихъ адски хохоталъ
И козырялъ въ пріемной...

АЛЛЕЯ ПОБѢДЫ.

Вы видали ключъ водицы
На заброшенномъ дворѣ?
Вы бывали въ ихъ столицѣ?
Вы видали рѣчку Шпре?
    Весь оштыченъ, весь ожерленъ
    Отъ ботфортъ и до зубовъ, —
    Вы видали городъ Бéрлинъ,
    Градъ казарменныхъ гробовъ?
Самъ я былъ, и не жалѣю...
То-то дивная страна!
Я видалъ одну аллею
Цѣликомъ изъ чугуна.

———

Смотритъ пьяненькая шельма,
Издаетъ умильный вздохъ,
Вспомнитъ кайзера Вильгельма
И икнетъ въ экстазѣ: „Hoch!“

Ихъ, какъ тумбы, разсадили
Въ безконечный рядъ,
Крѣпко врыли, оградили...
— Пусть сидятъ!
И глядятъ, какъ пни, герои
Такъ-то строго на народъ.
Тотъ храберъ, а этотъ втрое...
Жуть беретъ!
Вдругъ да слѣзутъ всѣ со скуки
Разомъ внизъ,
Да какъ ринутся, что щуки!!
Берегись!..

Смотритъ пьяненькая шельма,
Издаетъ умильный вздохъ,
Вспомнитъ кайзера Вильгельма
И икнетъ въ экстазѣ: „Hoch!“

Это вотъ памятникъ Альберту Ахиллу!
Такого не знаете?.. Стыдно!
Онъ въ Бранденбургѣ покорилъ какую-то виллу...
Большой отойди, маленькому не видно!

Это вотъ Гектору Второму Іоахиму,
Вотъ ужъ до побѣдъ-то былъ жаденъ!
Жить не могъ безъ порохового дыму!
Покорялъ не то Баденъ, не то Висбаденъ...
А вотъ вамъ Альбрехтъ Баварскій.
Вотъ кому подражать старайся!
Пивникъ ты, столяръ или юнкеръ гусарскій, —
Одно слово, стой, взирай и удивляйся!
        А вотъ откройте-ка бѣльма
        На Фридриха-Вильгельма...
        А вотъ вамъ...

Нѣтъ, аллеею побѣды
Я ходить хоть сутки радъ...
Въ старину живали дѣды
Не смирнѣй своихъ внучатъ...
        Ихъ, какъ тумбы, разсадили
        Въ безконечный рядъ,
        Крѣпко врыли, оградили...
        — Пусть сидятъ!..

КЕНИГСБЕРГЪ.

Въ чисто вымытое небо
Чисто вымытыя башни
Упираются надменно,
Какъ Вильгельмовы усы.
Вкругъ форты и укрѣпленья
Посреди смиренной пашни;
Въ переулкахъ неизмѣнный
Запахъ честной колбасы.
    Городъ сна и сонныхъ паузъ,
    Городъ дѣла и покоя,
    Городъ чванныхъ лейтенантовъ
    И чувствительныхъ дѣвицъ.
    На окнѣ цвѣты левкоя...
    Что ни башня — звонъ курантовъ...
    Что ни домъ — солидный Haus...
    Что ни выступъ — Фрицъ и шпицъ.
Толстый шуцманъ въ мѣдной каскѣ
Смотритъ вдумчиво и тупо
На шумящую Bierhalle
И на бурша съ жирнымъ псомъ.
Фрейленъ Мина строитъ глазки,
Шевеля богатствомъ крупа.

Подъ узоромъ бѣлой шали
Ходитъ мясо колесомъ.
Сорокъ девять лейтенантовъ,
Начиненныхъ добрымъ пивомъ,
Смачно ржутъ надъ анекдотомъ
Въ переполненномъ кафе.
На сіянье аксельбантовъ
Въ упоеньѣ горделивомъ
Филистеръ, покрытый потомъ,
Смотритъ, — крѣпко подъ шефе.
Въ отдаленномъ переулкѣ,
Гдѣ и тишь, и сонъ извѣчный,
На доскѣ блестятъ отъ солнца
Буквы: „Здѣсь родился Кантъ“.
Рядомъ съ Кантомъ — хлѣбъ и булки,
Шуцманъ — гордый и безпечный, —
У трактирнаго оконца
Полупьяный корпорантъ.
Удивительно и странно, —
Почему тутъ Кантъ родился?
Угораздило жъ бѣднягу, —
Лучше выискать не могъ.
Слушай вѣчно — „Ой, Сусанна“,
Слушай „Deutschland über alles,
Громъ, призывы и отвагу...
. . . .
— Эхъ, сапогъ!..

ДОМАШНЕЕ.

Мирно тѣшится игрушкой старина.
Есть у Франца подъ подушкой ордена.
Сколько тамъ ихъ за кроватью! Цѣлый складъ!
На военную на братью... для наградъ
Для себя халва въ миндалѣ, а для тѣхъ,
Звѣзды, крестики, медали... Тьма утѣхъ!
Чу!.. Скрипитъ старинка-дверца, лаетъ шпицъ.
Что-то мрачный входитъ герцогъ, милый Фрицъ.
— Хочешь, Фрицъ, халвы въ миндалѣ? Аль не ѣшь?
Слышалъ, будто Львовъ-то сдали... Али Льежъ?!
Кто же сдалъ-то?.. Какъ бишь?.. Рузскій? Вотъ ущербъ!
Что жъ онъ, нѣмецъ, али русскій? али сербъ?
Дѣловой, видать, парнишка... Ну, не жаль, —
Надо дать ему крестишко, аль медаль.
Что?.. Не нашъ?.. А ну, не надо... Вотъ-те на, —
Такъ кому давать изъ склада ордена?

Хочешь, дамъ?.. Ужъ есть? Такъ что же? Вѣшай,
братъ:
Ты съ крестомъ-то смотришь строже во сто кратъ, —
Говоришь солидно, басомъ, грудь горой...
Такъ ходи съ иконостасомъ, какъ герой.
Ась?.. Не надо?.. Крестъ желѣзный!! Не скандаль, —
Будь фельдмаршаломъ, любезный, — чай, не жаль.
Ахъ, куда дѣвать медали да кресты?
Ну, возьми халвы въ миндалѣ... — Экій ты!..

ИНДУСТРІЯ.

(Сентиментальная поэма).

Проводы.

Старый Шульце у камина прокопченнаго Bierhalle смотритъ вкругъ побѣдоносно и себя колотитъ въ грудь:

— Abgemacht!.. на завтра утромъ старый Шульце съ доброй Миной отправляютъ дочку Гретхенъ nach Russland въ далекій путь.

Фрау Мина плачетъ дома съ доброй дюжиной сосѣдокъ, шьетъ для Грехтенъ панталоны на кенгуровомъ мѣху.

In Russland трещатъ морозы, бродятъ бѣлые медвѣди, но за то тамъ есть бояры: тратятъ деньги, какъ труху...

Дочка Гретхенъ съ милымъ Карломъ жарко шепчется въ прихожей...

— O, mein Gott!.. вздыхаетъ Гретхенъ.

Карлъ вздыхаетъ: охъ да ахъ...

— Привезу тебѣ фуфайку и чулки медвѣжьей шерсти...

И растроганный Карлуша жметъ невѣсту, какъ въ тискахъ.

Въ дорогу!

Плачетъ Гретхенъ, плачетъ Mutter, и Карлуша хочетъ плакать. Старый Шульце въ умиленьѣ льетъ напыщенную рѣчь:

— Слушай, Гретхенъ, ты невѣста, — я ужъ старъ, стара и Mutter... Nach Russland ты ѣдешь, Гретхенъ, дѣлать деньги и беречь. Какъ сказалъ великій Шиллеръ: „Что есть выше Vaterland'а и честнѣй колбасной лавки?"...

Всѣ вокругъ кричали: „hoch!"

— Слушай, Гретхенъ...

— Hoch!..

— Schwammdrüber!.. накопи тамъ много денегъ, а пріѣдешь, — мы устроимъ свадьбу съ Карломъ!.. Abgemacht!..

Рѣчь сказалъ маститый шуцманъ, рѣчь сказалъ колбасникъ Шмюллеръ...

Гретхенъ горько надѣвала панталоны на мѣху.

За новыми рынками.

Ѣдетъ Гретхенъ средь долинъ,
  средь лощинъ, средь равнинъ...
O, mein lieber Augustin,
  Augustin, Augustin...
Бьютъ колеса тра-та-та,
  тра-та-та, тра-та-та...
Гретхенъ горемъ занята,
  занята, занята.
Фермы, села, рѣчка, Burg,
  села, Burg, села, Burg...
Скоро будетъ Petersburg,
  Petersburg, Petersburg...
Слышны рядомъ: клюква... квасъ,
  клюква, квасъ, клюква, квасъ...
Занятъ квасомъ третій классъ,
  третій классъ, третій классъ.
А медвѣдей не видать,
  нѣтъ и нѣтъ, не видать!
Нѣтъ морозу, — благодать,
  благодать, благодать!
Ѣдетъ Гретхенъ средь долинъ,
  средь равнинъ, средь лощинъ...
O, mein lieber Augustin,
  Augustin, Augustin...

Рынокъ завоевывается.

То не ягодка малинка подъ березкою цвѣла... Гретхенъ, нѣмочка-блондинка, у мадамы зажила. Стала пышно одѣваться, расцвѣла, — что маковъ цвѣтъ...

Ей не двадцать, не шишнадцать, было д'ей семнадцать лѣтъ...

Прямо сущая картинка: и дородна и бѣла. Гретхенъ, нѣмочка-блондинка, — распрекрасная была.

А подруги „кожа - кости“... Ну, и пусть судьбу клянутъ!.. Къ Гретхенъ пьяненькіе гости, словно мухи, такъ и льнутъ.

Для блондиночки дѣвицы жизнь, что праздникъ, видитъ Gott, — и въ Калинкинской больницѣ Гретхенъ долго не живетъ.

Капиталецъ ею нажитъ... Сладко ѣстъ и крѣпко пьетъ, днемъ фуфайку Карлу вяжетъ, ночь вертится напролетъ.

Знай неважную заботу: разъ въ недѣлю встать къ шести, — на Почтамскую, въ субботу, деньги въ кассу отнести...

Старый Vater шлетъ посланья:

— Помни, Гретхенъ, Vaterland, — „приложи къ труду старанья“, какъ сказалъ великій Кантъ...

Mutter нѣжно шлетъ поклоны и незыблемый вопросъ:

— Не тѣсны ли панталоны? не кусаетъ ли морозъ?..

Индустрія на полномъ ходу.

Дѣвицы плохо разбирались. Маруська — дрянь, — а — та худа. Но Гретхенъ, Гретхенъ über alles, — какъ есть полночная звѣзда.

Дѣла не шибко подвигались. Хозяйка въ горести была. Но Гретхенъ, Гретхенъ über alles, цвѣткомъ весеннимъ расцвѣла.

И призакрылось заведенье, ушла хозяйка на покой, и старымъ домомъ управленіе пошло подъ новою рукой.

Тутъ Гретхенъ было все знакомо, чего же ждать, коли везетъ, нельзя бросать такого дома, пусть дѣло движется впередъ...

И перешелъ къ ней домъ отнынѣ, — большой у Гретхенъ былъ талантъ, — она осталась на чужбинѣ и прославляла Vaterland.

У родныхъ Пенатовъ.

Старый Шульце съ доброй Миной и съ торжественнымъ Карлушей дочку Гретхенъ aus der Ferne вышли встрѣтить на вокзалъ.

Въ первомъ классѣ ѣдетъ Гретхенъ! Старый шуцманъ полнъ почтенья, и колбасникъ, старый Шмюллеръ, шепчетъ нѣжно:

— Kolossal!..

Вотъ и Гретхенъ...

— Здравствуй, Mutter, здравствуй, Vater и Карлуша! Молодцы, скорѣй несите мой съ деньгами чемоданъ.

Старый Шульце дочь цѣлуетъ, фрау Мина дочь цѣлуетъ, а Карлуша весь зардѣлся и стоитъ, какъ истуканъ.

Встала Гретхенъ, потупилась, и зардѣлась, раскраснѣлась; отъ восторга плакалъ Vatter, Mutter плакала за нимъ.

И Карлуша улыбался; старый шуцманъ осклаблялся; Гретхенъ радостно снимала панталоны на мѣху.

А потомъ семейство Шульце съ пренапыщеннымъ Карлушей и съ любезными гостями сѣли радостно въ трамвай.

Заключеніе

Поздно вечеромъ въ Bierhalle старый Шульце съ кружкой пива вкругъ смотрѣлъ побѣдоносно:

— Тридцать тысячъ — деньги?!.. Hoch!

Фрау Мина разбиралась дома въ множествѣ подарковъ и сосѣдкамъ говорила:

— Тридцать тысячъ!.. O, mein Gott!

А въ прихожей ворковала Гретхенъ съ радостнымъ Карлушей:

— Привезла тебѣ фуфайку, тридцать тысячъ сберегла...

И сосѣди добродушно межъ собою говорили:

— Fräulein Шульце, — о, невинность! тридцать тысячъ привезла...

ПРАЗДНИКЪ.

Философскій факультетъ въ Галле преподнесъ генералъ-квартирмейстеру Штейну дипломъ на званіе почетнаго доктора философіи.

— Отчего сегодня, мама,
Такъ гудятъ колокола?
Ты зачѣмъ, скажи мнѣ прямо,
Домъ флажками убрала?
    Иль Москва сдана безъ боя?
    Иль сраженъ презрѣнный бриттъ?
    Словно море въ часъ прибоя,
    Берлинъ радостью кипитъ...

— Вьется эта сарабанда
Оттого, мой милый другъ, —
Нынѣ праздникъ фатерланда
И свѣтилъ его наукъ.

Былъ у Клука генерала
Михель, чудо-вѣстовой.
Былъ онъ развитъ очень мало,
Былъ тупѣе мостовой...

На войнѣ безъ супа — мука.
И какъ ни былъ Михель глупъ,
Онъ варилъ всегда для Клука
Удивительнѣйшій супъ.

Былъ онъ всѣхъ скромнѣй и тише.
И за свой покорный нравъ
Нынѣ Михель, властью свыше,
„Докторъ химіи и правъ“.

— А зачѣмъ тамъ, мама, крики,
Тосты въ каждомъ кабакѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ?

— Оттого, что у кронпринца
Есть бернаръ, краса страны.
Онъ вчера у пѣхотинца
Разорвалъ, герой, штаны.

Пѣхотинецъ былъ изъ плѣнныхъ,
Русскій, раненый саперъ.
Не любя иноплеменныхъ,
Съ нимъ раздѣлался Трезоръ.

И теперь съ пальбой и съ громомъ
Про него узнаетъ свѣтъ:
Увѣнчалъ его дипломомъ
Философскій факультетъ.
— Мама, что же сдѣлать надо,
Чтобъ науки короли
Моего козла „Камрада“
Въ доктора произвели?..

ЛАНДШТУРМЪ.

„...Если будетъ нужно, — мы призовемъ подъ знамена кошекъ и собакъ...“

Бетманъ-Гольвегъ.

Прощай, величавый
Мой дымчатый котъ.
За славою бранной
Впередъ
За народъ!
Прощай, вороватый
Мой вьюнъ-пуделекъ,
И ты, сѣроватый
Мой догъ-
Кобелекъ.

Прощай, моя крошка
Маруська, мечта!
Ты въ армію, кошка,
Взята
За кота.
Сильны супостаты, —
Идутъ напроломъ...
Мы кошекъ въ солдаты
Возьмемъ, —
Разнесемъ!
Всѣмъ русскимъ — по шеѣ.
Французовъ — взашей.
Погонимъ въ траншеи
Мышей —
Малышей.
Тяжелая школа...
Дошла череда
До дамскаго пола...
Бѣда,
Господа!
Гуди, сарабанда,
Хвостатой гурьбой,
За честь фатерланда
На бой,
Какъ прибой!..

ПОДЪ ПОЛОЙ.

Гауптману, Шнитцлеру и профессору Рентгену.

Только станетъ смеркаться немножко,
Кто-то тихо пройдетъ въ кабинетъ,
Кто-то шторой завѣситъ окошко,
Броситъ въ печку десятокъ газетъ,
Кто-то въ книгу тогда углубится,
Въ уголкѣ, притаившись, какъ тать.
И пойдутъ за страницей страница
И листы за листами мелькать.
Будетъ кто-то вздыхать отъ волненій
И горѣть отъ мучительныхъ грезъ,
Что навѣетъ мучительный геній,
Кѣмъ-то свергнутый геній-колоссъ.

Будетъ кто-то, жестоко-угрюмый,
От восторга и счастья рыдать
И, объятый мучительной думой,
Вновь захочетъ любить и страдать.
Но едва за дверьми кабинета
Гость прокашляетъ, къ ужину званъ,
Вмигъ въ рукахъ очутится газета,
А книжонка нырнетъ подъ диванъ.
Будетъ гость говорить о народѣ
И о книгѣ своей „Хороводъ",
Будетъ кто-то вздыхать о погодѣ
И грустить за рабочій народъ, ..
Гость уйдетъ, — и съ книжонкою снова
Кто-то ляжетъ тайкомъ на диванъ...
Не мальчишка съ „Лукою" Баркова, —
Съ Достоевскимъ — поэтъ Гауптманъ...

БЕЗРАБОТИЦА.

„Вильгельмъ назначилъ художника-баталиста Шабеля въ свою свиту для сопровожденія кайзера во всѣхъ походахъ, при чемъ присвоилъ Шабелю титулъ „живописецъ побѣдъ“.

Сердце клокочетъ и бѣсится,
Тошенъ художнику свѣтъ,
Впору отъ муки повѣситься:
Кануло въ вѣчность три мѣсяца, —
Нѣтъ-те работы и нѣтъ!
　　Какъ улещали зловредные:
　　„Будетъ по горло работъ, —
　　Пушки заухаютъ мѣдныя;
　　Будутъ сраженія побѣдныя;
　　Будетъ блестящій походъ.

Сроемъ поля Елисейскія,
Бельгію кровью зальемъ,
Дикія орды „Расейскія“,
Флоты союзно-злодѣйскіе
Въ пухъ разнесемъ!
Знаемъ, — беремъ не сапожника!
Сядь гдѣ-нибудь въ сторонѣ,
Пива фужеръ опорожни-ка, —
Кончится бой, — у художника
Крѣпость въ дыму и въ огнѣ,
Плѣнныхъ ведутъ на ремнѣ,
Кайзеръ на бѣломъ конѣ...“
Началъ... Вотъ будетъ баталія!..
Opus'овъ сдѣлаю возъ!
Вдругъ казачина, ракалія,
Вышелъ, турнулъ и т. д.,
Онъ ли меня, казака ли я...
Чортъ меня къ Вислѣ понесъ!
Шли подъ Парижемъ сраженія,
Битвы гремѣли на Энъ...
Нѣтъ, молъ, ищите вы генія,
Я же, — мое вамъ почтеніе, —
Презауряднѣйшій N.
То-ль я тупица бездарная,
То-ль прогнѣвилъ небеса...
— Тема вотъ, слышь, благодарная:
Снова побѣда угарная, —
Сгибла Россія коварная!..
Я же смотрю: — чудеса!

Гибнетъ не Русь, а Германія.
Кайзеръ нашъ спятилъ съ ума.
Герръ, это манія... манія —
Трескъ вашъ, слова и бряцанія,
Трескъ, какъ въ романахъ Дюма...
Нѣту сапогъ у сапожника,
Платья у швеечки нѣтъ,
Нѣтъ пироговъ у пирожника, —
Такъ и у „Sieger-художника“
Нѣтъ, извините, побѣдъ...

ОСЕННЕЕ.

— „Впередъ, молодые люди, — еще до листопада мы вернемся въ наше дорогое отечество!..“

Изъ рѣчи Вильгельма.

Вянетъ листъ... Проходитъ лѣто...
Осень наступаетъ...
Юнкеръ Шмидтъ изъ пистолета...
Все еще стрѣляетъ...
    Льются лавой одичалой
    Бомбы да шимозы...
    Юнкеръ Шмидтъ, веселый малый,
    Смотритъ на березы:
— И чего вы, черти, ждете?
И чего вамъ надо?
Всѣ солдаты въ нашей ротѣ
Жаждутъ листопада.

Пули, бомбы, гулъ да драки,
Грязь, дожди да слякоть,
Тамъ окопы, тутъ казаки, —
Просто въ пору плакать.
А кабъ листья-то упали,
Были-бъ мы въ Берлинѣ.
Посидѣлъ бы я въ биргалле,
Да сходилъ бы къ Минѣ.
Взялъ бы денежекъ у тети...
Нѣтъ-те листопада!
И чего вы, черти, ждете?
Ну, чего вамъ надо?
Вянетъ листъ... Морозъ кусаетъ
Злѣе злого дога...
Передъ Шмидтомъ пролегаетъ
Славная дорога.
Шмидтъ летитъ въ главѣ отряда.
Духъ спираетъ въ горлѣ.
Всѣхъ съ началомъ листопада
Русскіе поперли.
Бѣгъ у Шмидта всѣхъ быстрѣе...
Ухъ!.. Сверкаютъ пятки...
Берлинъ юнкеру милѣе
Вологды и Вятки.
Будетъ кайзеру пріятно:
Хоть пришли и задомъ,
Но зато вернулись знатно
Вмѣстѣ съ листопадомъ...

СВѢТИЛА.

Сработано подъ „Пупсика“.

„Философскій факультетъ университета въ Галле преподнесъ генералъ-квартимейстеру Штейну дипломъ на званіе почетнаго доктора философіи“.

У Шульца лейтенанта
Былъ конь, краса полка:
Умнѣй любого Канта,
Храбрѣе — казака.
Шульца онъ разъ отъ смерти спасъ,
И получилъ такой указъ:
Меринъ, мой милый, меринъ,
За дикій нравъ,
Ты — „докторъ правъ“...

У Клука генерала
Деньщикъ Карлушка былъ,
Уменъ весьма былъ мало,
Но славно супъ варилъ.
Разъ онъ сготовилъ чудо-супъ.
И былъ почетъ ему сугубъ:
Глупый Карлушка-чушка,
Пришла пора —
Маршъ въ „доктора"!

У Кайзера Вильгельма
Жилъ фоксъ, краса страны,
Любилъ кусаться шельма,
И рвать на всѣхъ штаны...
Фоксикъ, держи повыше хвостъ,
Ты получилъ высокій постъ.
Фоксикъ, мой милый фоксикъ,
Глянь съ высоты,
Вѣдь, Фихте ты!..

Э-э-э-хъ, скоты!..

ГУРМАНЪ.

> Въ Германіи приказано соблюдать наивозможную экономію въ ѣдѣ.
>
> — „Кушающій мясо измѣнникъ отечеству“.

Съ видомъ важнаго буржуя,
Стойко смѣлъ,
Въ ресторанчикъ захожу я...
Вѣкъ не ѣлъ!
Говорю сейчасъ безъ шутокъ
Это я:
Ѣлъ отбросы восемь сутокъ,
Какъ свинья.
А въ карманѣ прорва денегъ...
Эка вотъ!
Прорва денегъ, но худенекъ
Мой животъ.
— Кельнеръ, разъ при семъ столѣ ты,
Не виляй,
А подай ты мнѣ котлеты
Де воляй;
Дай баранинки по-ясски;
Пять лещей;

Да съ капустой три колбаски;
Русскихъ щей;
Антрекотъ подай побольше;
А къ концу
Дай рубцовъ такихъ, какъ въ Польшѣ,
И супцу...
Все пивкомъ потомъ заглажу, —
Дай-ка шнитъ.
Постарайся, — разуважу...
Ой, тошнитъ!

Странно!.. Дѣло-то съ обманомъ!..
Милый другъ.
Иль теперь зовутъ бараномъ
Этотъ лукъ?
Ну, а это?.. Что?.. Котлета?
Чепуха!
Вѣдь, картофельная это
Шелуха.
Говори, братъ, идіотамъ, —
Я-жъ не простъ:
Гдѣ зовется антрекотомъ
Сельдинъ хвостъ?
Стой!.. Куда?!. Тащить обратно?!
Охъ ужъ, что-жъ, —
Патріотъ-же я!.. Понятно,
Что... Не трожь!!.

ГАНСЪ КНАУБЕ.

I.

Въ тихомъ зальцѣ, за спальной, на мотивъ безпечальный спѣлъ будильникъ про „Рейнскую стражу“, да какъ вдаритъ изъ пушки!

— Отлипай отъ подушки! Ни моленій, ни просьбъ не уважу!

Сонъ, что пиво цѣлебенъ.... Но смотрѣть, какъ Тотлебенъ съ казаќами подходитъ къ Берлину!.. Брр!.. Скорѣй просыпайся! Ну, живѣй, одѣвайся! Заводи, братъ, дневную машину...

Гансъ проснуться изволитъ... Эмма кофе сготовитъ. Эмма туфли на Ганса надѣнетъ. Эмма ласково взглянетъ и почтительно встанетъ. Гансъ почтительность Эммы оцѣнитъ...

II.

Гансъ за кофе садится... Гансъ, вѣдь, будетъ трудиться, Гансу нужно получше питаться. Дѣти смотрятъ и жмутся. Дѣти послѣ напьются, — можетъ гуща отъ кофе остаться.

— Мы ихъ вотъ какъ ужалимъ! — Гансъ грозитъ за „Lokal'емъ", поглощая стаканъ за стаканомъ...

Разъ утроба коровья, — кушай, Гансъ, на здоровье, — дѣтвора посидитъ за диваномъ.

III.

Кротокъ, словно овечка, Гансъ не молвитъ словечка, — за бюро онъ въ конторѣ садится. Вся фигура — „смерть мухамъ", онъ корпитъ надъ гроссбухомъ и трудится, трудится, трудится...

Онъ доволенъ сигарой, ядовитой и старой, онъ доволенъ перомъ и бумагой, и дѣтьми, фрау Эммой, и „военной проблемой", и Вильгельмовой грозной отвагой; онъ доволенъ окладомъ, всѣмъ житейскимъ укладомъ, особливо своимъ принципаломъ, и „Lokal'я" петитомъ, и своимъ аппетитомъ... Вообще, онъ доволенъ и малымъ.

IV.

Эмма Ганса встрѣчаетъ. Эмма столъ накрываетъ. Гансъ, — бѣдняжка, обѣдать садится. Гансъ, вѣдь, хлѣбъ

добываетъ, Гансъ, вѣдь, семью питаетъ, — Гансъ трудится, трудится, трудится...

Дѣти смотрятъ у шкапа, какъ питается папа, — ѣстъ и мясо, и супъ, и картошку. И утроба же!.. Ужасъ! Напрягшись и натужась, убираетъ онъ всё понемножку.

— Уфъ! Накушался! Точка! Хлѣбца есть полкусочка, и какъ-будто отъ супа остатки. Папа кушаетъ знатно, — домочадцамъ пріятно, — папа сытъ, такъ и въ домѣ достатки.

Вотъ на кухнѣ сойдутся, за остатки возьмутся.

— Дѣтки, кушайте! — мамочка скажетъ... — А папаша покуритъ, сладко глазки зажмуритъ и подъ „Стражу на Рейнѣ“ приляжетъ...

V.

Въ девять папочка встанетъ, маму пальцемъ подманитъ, подзоветъ-ка ее да разспроситъ:

— Это что же, молъ, — щечки? А вотъ это? Чулочки?!

Всё узнаетъ, что мамочка носитъ...

. . . .

VI.

Въ 10, тотчасъ за этимъ, славной Эммѣ и дѣтямъ хочетъ папочка радость доставить. Говоритъ онъ шутливо:

— Что, не выпить ли пива? Что дѣтишекъ съ женой не забавить? Дѣти! Папа васъ любитъ, васъ лелѣетъ, голубитъ! Ну, чего, словно идолы встали?! Ну же, смѣйтесь, ликуйте, папѣ руку цѣлуйте. Дѣти, всѣ мы уходимъ въ биргалле...

VII.

Идутъ тонно и чинно, не смѣясь безпричинно, не глазѣя кругомъ на прохожихъ. Вонъ ихъ сколько тутъ — франтовъ: юнкеровъ, лейтенантовъ, сердцеѣдовъ — пшютовъ краснорожихъ.

— Эмма! Что ты краснѣешь? На красавцевъ глазѣешь? Или Гансъ уже твой — не красавецъ?! Такъ же толстъ я и красенъ и для женщинъ опасенъ. А смотрящій на Эмму — меррззавецъ!

VIII.

Толстый Шульце и Грубе, красный Шустеръ и Штубе... Все знакомыя, старыя лица... Гансъ супругу сажаетъ, Гансъ дѣтей размѣщаетъ и торжественно рядомъ садится. И мигнувши шутливо, скажетъ:

— Кружечку пива!

Кельнеръ кружку для Ганса приноситъ.

— Какъ дѣлишки съ французомъ, съ франко-русскимъ союзомъ?

Гансъ все толкомъ у Штубе разспроситъ.

Дѣти смотрятъ пугливо:

— Папа кушаетъ пиво! Хоть глоточекъ бы свѣжей водицы!..

Эмма смотритъ пугливо, — Гансъ, вѣдь, кушаетъ пиво, а она попросить не рѣшится.

— Если жъ выпить?.. Что выйдетъ? Можетъ быть, не увидитъ? Сохрани меня, праведный Боже!..

— Эмма!! Новое дѣло!! Эмма?! Какъ же ты смѣла?! Да на что это, Эмма, похоже?! Я тружусь, я стараюсь, я, какъ волъ, надрываюсь, — я кормлю васъ, пою, одѣваю... Ты жъ меня обманула! Ты же пива глотнула!! Знай, за что я тебя ударяю!..

IX.

Эмма плакать не смѣетъ. Эмма только краснѣетъ. Вкругъ смѣются надъ Эммою прямо.

— Уффъ, — сердиться онъ броситъ, кружку пятую проситъ...

— Пить хочу я... Ахъ, скоро ли, мама?

Гансъ стучитъ, горячится, никого не боится, — ни француза, ни русскихъ, ни бритта. Всѣхъ ихъ Deutschland раздавитъ, ничего не оставитъ, заявляя объ этомъ открыто.

Шульце „hoch!“ отвѣчаетъ.

Штубе „hoch!“ повторяетъ.

„Hoch!“ кричатъ всѣ сидящія туши.

— Слава доблестнымъ цѣлямъ! Все возьмемъ и раздѣлимъ: всѣ моря, океаны и суши!

— Дѣти? Что? Насладились? Что же вы притаились! Такова благодарность-то ваша?!

Дѣти кротко ликуютъ, папѣ руку цѣлуютъ:

— Ахъ, мы такъ благодарны, папаша!..

X.

. . . .

XI.

. . . .

XII.

Эмма тихо рыдаетъ. Муженька провожаетъ.

— Взяли милаго Ганса въ солдаты! Гансъ, смѣлѣе сражайся! Гансъ, скорѣй возвращайся! Снова будешь кормить насъ тогда ты. Ты ихъ вмигъ успокоишь! Ты ихъ дюжины стоишь... Ты ихъ въ самое сердце ужалишь!..

Гансъ не очень спокоенъ...

— Взяли! Что я за воинъ?!

XIII.

Знаетъ Ганса ужаленный Калишъ.

...Дальше было похуже, дальше было потуже, какъ попалъ онъ въ казацкую мятку.

Гансъ не долго сражался, взялъ платочекъ и... сдался, и поѣхалъ съ казаками въ Вятку...

Тамъ пивныя закрыты...

Пишутъ: нѣмцы побиты!..

— Гм! Порядковъ такихъ не похвалишь! А какъ шли-то побѣдно, — все пропало безслѣдно...

Гансъ грустить, вспоминаючи Калишъ...

ФИЛИСТЕРЪ.

За „Lokal'емъ", усѣвшись въ кафе предъ массивнымъ кофейнымъ приборомъ, онъ, отъ пива весь день подъ шефе, смотритъ ласковымъ, телкинымъ взоромъ. Всѣмъ доволенъ упитанный Фрицъ... И „Lokal'емъ", и толстымъ сосѣдомъ, панорамой мелькающихъ лицъ и варящимся въ чревѣ обѣдомъ...

Всѣмъ доволенъ... Разумной женой, и румянцемъ на сдобненькой феѣ, и побѣдной съ Россіей войной, и студентами съ Sieges Allee... Тѣмъ доволенъ, что онъ патріотъ, что за кайзера ляжетъ геройски, что „свободенъ" онъ послѣ хлопотъ и не служитъ отечеству въ войскѣ... Тѣмъ, что въ Калишѣ массу дѣтей разстрѣляли тевтоны-герои...

— Такъ и надо!.. Безъ лишнихъ затѣй... Не мѣшало бъ побольше и втрое.

Что пробили во Францію брешь, разгромили съ Варшавой Либаву, взяли Ковну, Одессу и Льежъ... Вообще, — прогулялись на славу...

Фрицъ глядитъ изъ оконца кафе, — и доволенъ отъ ногъ до макушки... Онъ, отъ пива весь день подъ шефе, смотритъ ласковымъ взоромъ телушки.

ЛЕЙТЕНАНТЪ.

Что за прелесть, что за франтъ, — весь, отъ каски до ботинка, весь машина, лейтенантъ — настоящая картинка!.. Ноги — палки, грудь — доска, взоръ, исполненный презрѣнья, въ мѣрной вытяжкѣ носка — трудъ, геройство и терпѣнье... У него военный нравъ... Слово броситъ, — выйдетъ строго...

Можетъ, князь, а, можетъ, графъ... И богатъ... Дано отъ Бога!..

Ишь, какъ ходитъ!... Топъ, топъ, топъ!.. Правда, сбоку это глупо. Говорятъ, ему на лобъ мѣдь взята была отъ Круппа.

— Псссть, смотрите, герръ Фальцъ-Фейнъ, — онъ исполненъ весь заботы, и мурлычитъ: „Wacht am Rhein", — крикнемъ „hoch", какъ патріоты...

Чиститъ зубы у солдатъ, скулы, ребра... (Гигіена!..). Въ этомъ дѣлѣ во сто кратъ онъ, слышь, злѣе, чѣмъ гіена...

Что за прелесть, что за франтъ, вкругъ на жизнь кладущій клейма, — этотъ душка лейтенантъ, эта кукла отъ Вертгейма...

ВЕЛИКІЙ РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Мы слова свои имѣемъ.
Въ чемъ же дѣло? Разъ и два —
Живо вытравить сумѣемъ
Всѣ тевтонскія слова.
Все нѣмецкое д лече
Избѣгать — возьмемъ въ законъ,
И изгонимъ вонъ изъ рѣчи
Настоящій лексиконъ:

Абрисъ, абцугъ, балетмейстеръ,
Банда, балка, аксельбантъ,
Бархатъ, бравый, квартирмейстеръ,
Бухта, вафля, прейсъ-курантъ,
Вымпелъ, вахмистръ, клей, брандмейстеръ,
Буръ, бухгалтеръ, декъ, верстакъ,
Гарусъ, кнель, полицеймейстеръ,
Дамба, бритва, друкарь, шлакъ,
Галстукъ, гильза, гаспель, вахта,
Грифель, егерь, зала, флангъ,
Гаршнель, замша, кнопка, шахта,
Клецка, клумба, клапанъ, шлангъ,

Бергъ-инспекторъ, бинтъ, блокъ-гаузъ,
Вахтеръ, клеверъ, кранъ, мундштукъ,
Крейсеръ, крона, лейбъ, цейхаузъ,
Панцырь, клавираусцугъ,
Книксенъ, сталь, клеенка, кабель,
Лозунгъ, пемза, флеръ, маляръ,
Пластырь, ротмистръ, зицъ, муштабель,
Плацъ, спринцовка, флангъ, футляръ,
Лагерь, оберъ, мачта, ширма,
Локонъ, муштра, грошъ, ландшафтъ,
Лакъ, ландкарта, юнкеръ, фирма,
Пудель, проба, брудершафтъ,
Грифъ, конвертъ, кронциркуль, вензель,
Маклеръ, пачка, рашкуль, бунтъ,
Піэтетъ, фальшивый, трензель,
Слесарь, статскій, ундеръ, грунтъ,
Шлюзъ, тюрьма, брандвахта, гаузъ,
Фалда, гильдія, форпостъ,
Фельдшеръ, фижмы, шина, страусъ,
Факелъ, рама, рангъ, нордъ-остъ,
Культуртрегеръ, рашпиль, клейстеръ,
Флагманъ, флигель, флецъ, кронверкъ,
Парикмахеръ, флюсъ, танцмейстеръ,
Флюгеръ, фортка, фейерверкъ,
Гроссъ-парадъ, казарма, табель,
Койка, книппель, колба, рангъ,
Краги, крендель, никель, кабель,
Офицеръ, ракета, банкъ,

Плацъ, плацкарта, помпа, лоцманъ,
Кучеръ, танецъ, цугъ, форшмакъ,
Цифра, шенкель, шиферъ, боцманъ,
Туфъ, шлагбаумъ, рундъ, аншлагъ,
Трауръ, фура, шлихта, шельма,
Буттербродъ, форшлагъ, камрадъ,
Трафить, роликъ, усъ Вильгельма
Клопфъ, рейтузы, циферблатъ...

Ну, начнемъ!.. Трудна лишь проба!
Лозунгъ взявъ: „Долой тевтонъ" —
Я съ моимъ камрадомъ — оба
Всѣ слова изгнали вонъ...

СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТЪ.

Онъ суровъ, какъ фельдфебель;
Онъ рѣчистъ, что Лассаль;
Онъ краснѣе, чѣмъ Бебель;
Вообще — колоссаль!
— Это — все разговоры
И пустой тарарамъ.
Что тамъ споры, раздоры
Изъ „Эрфуртскихъ программъ?“
Соціалъ-демократовъ,
Посчитай, легіонъ!
Разнесемъ бюрократовъ
И выгонимъ вонъ!

Что намъ „вѣсъ парламента?"
„Вѣсъ" не больно великъ.
Намъ давай президента
И вообще „републикъ".
Что намъ громъ алармистовъ
И Вильгельмовскій звонъ?
Вонъ ихъ, милитаристовъ,
Да и Кайзера — вонъ!
Это — въ житѣ крапива!
Это — пыль на току!
Дай-ка кружечку пива
И кусочекъ сырку.
Что?!. Война?!. Вотъ-те, здрасстте!
Съ кѣмъ?.. И какъ?.. И когда?
Вотъ для нѣмца напасти,
Вотъ для нѣмца — бѣда!
Впрочемъ, hoch, — подеремся
Браво, Кайзеръ — камрадъ!
На Москву проберемся,
Тамъ устроимъ парадъ.
Нашъ-то Кайзеръ — крапива, —
Берегись, — обожжетъ!
Дай-ка кружечку пива
И съ сыркомъ буттербродъ.
Русаку — губошлепу
И французу конецъ!
Покоритъ всю Европу
Нашъ Вильгельмъ-молодецъ.

Hoch, нашъ Кайзеръ-миляга!
Hoch, нашъ воинъ и бардъ!
Весь ты — мощь и отвага,
Весь второй Бонапартъ.
Hoch, кусай какъ крапива!
Двигай рати впередъ!
    Дай-ка кружечку пива
    И еще буттербродъ...

ИЗДАТЕЛЬ.

Занялъ на день у кухарки
Пять рублей;
Полтора рубля — на марки,
Рубль — на клей,
Гдѣ-то въ долгъ досталъ бумаги.
И въ обѣдъ
Издалъ съ другомъ, полнъ отваги,
„Громъ побѣдъ".
Чудо вышелъ первый номеръ,
Вишь ты, — вишь:
„Жоффръ сегодня ночью померъ!!!"
„Палъ Парижъ!!!"
„Гибель арміи французской!!!"

«Въ пять часовъ
Сдалъ семнадцать съ гакомъ Рузскій
Корпусовъ!!!“
Измѣнилъ, увы, отчизнѣ
Главный штабъ:
„Громъ побѣдъ“ въ началѣ жизни —
Цапъ-царапъ!
— А Москва?!? А Тверь съ Варшавой!!!
Тьма побѣдъ!
А Орелъ? А Дерптъ съ Либавой?!!
Ихъ ужъ нѣтъ!!
Угоди-ка штабнымъ клеркамъ
Чувствомъ мѣръ, —
Тамъ не знаютъ: — „A la guerre comme
A la guerre“.
Клей пропалъ, пропали марки...
Вой, какъ волкъ:
Какъ отдать теперь кухаркѣ
Крупный долгъ...

КОРПОРАНТЪ.

(На мотивъ „Ой, Сусанна“).

Плюнулъ на науки,
Сунулъ руки въ брюки,
Веселъ, гордъ и полупьянъ.
Жизнь ярка, бурлива:
Много въ свѣтѣ пива:
Можно выпить цѣлый чанъ.
Ленточки да канты,
Пьяные таланты,
Бой рапиръ и славный биръ,
Громъ да факельцуги,
Пьяныя подруги,
И трактиръ, трактиръ, трактиръ...

Морда въ славныхъ ранахъ.
Храбрость въ ресторанахъ.
Тотъ лишь нѣмецъ, кто храберъ.
Чувствуй, какъ ты жалокъ,
Бойся нашихъ палокъ,
Разжирѣвшій филистеръ.
Буршу трудъ повеленъ,
Мнѣ служи, коль зеленъ,
Зеленѣй сосны и пихтъ.
Alle Möpse bellen,
Alle Möpse bellen,
Nur der eine Rollmops nicht.
Громко, невозбранно
Пойте — „Ой, Сусанна!“
Кто кричитъ, что чепуха?
Alle Fische schwimmen,
Alle Fische schwimmen,
Nur der eine... Ха-ха-ха!..
Съ вами надо строже!
Хочешь, дамъ по рожѣ?
Я студентъ, а ты свинья...
Все вокругъ туманно...
Манно... ой, Сусанна!
Какъ прекрасна жизнь моя!
— Ой, Сусанна! ой, Сусанна!
К-а-а-къ прекрасенъ я!!.

МИНА.

У майора женка Мина —
Божество.
Щечки — кремъ, уста — малина,
Формы — во!
Взглянетъ, — серцемъ такъ и пьется
Левенбрай.
Добродѣтель такъ и льется
Черезъ край.
У майора Пфуля женка —
Вотъ жена!
Горяча, пылка, что жженка,
Но... вѣрна.
И идетъ о Минѣ слава
Прытче пуль:
Неприступнѣй Ярослава
Фрау Пфуль.

А вѣдь сплетня-то досужа:
Ну, да ну...
Проводила Мина мужа
На войну.
И явился къ неприступной
Юнкеръ Кнопъ,
Парень глупый, видный, крупный...
— „Для чего-бъ?..
Ахъ, о чемъ они болтали,
Стыдъ поправъ?..“
Вѣсть принесъ онъ, будто сдали
Ярославъ...

ЮНКЕРЪ ШМИДТЪ.

— Ваше Величество!
— Ну?
— Очень большое количество
Нашихъ въ плѣну.
— Все, братъ, отнимемъ у ворога.
Впрочемъ, я радъ:
Больно кормить-то ихъ дорого.
Меньше съѣдятъ!

У юнкера Шмидта
Горячая кровь.
Сильнѣй динамита
Къ отчизнѣ любовь.
Шмидтъ по полю мчится,
Ища казаковъ;
Ни пуль не боится,
Ни бомбъ, ни штыковъ.

Грудь ядрамъ открыта.
А ядеръ — потокъ.
А въ ручкѣ у Шмидта —
Всего лишь платокъ.
Глядитъ любопытный
Станичникъ въ „вѣнокъ“:
— Ишь, въ ротъ тебѣ ситный, —
Сдаваться прибёгъ.
У Шмидта влеченье
Къ двумъ мощнымъ вещамъ:
Къ отрадѣ плѣненья
И къ кисленькимъ щамъ.
У юнкера Шмидта
Отвага въ груди...
— Эй, дядька Микита,
Ступай, отведи...

МОЛОДОЖЕНЫ.

Мы вчера повѣнчались, —
Ходимъ, — гнѣздышко вьемъ.
Вѣдь гнѣздо über alles,
Остальное потомъ.
    Я — бухгалтеръ въ конторѣ,
    У нея — Ундервудъ.
    Денегъ нужно намъ море, —
    Деньги такъ и текутъ.
Скоро явятся дѣтки, —
(Мина, ну, не краснѣй!),
Сядутъ рядомъ на вѣтки, —
Накорми и согрѣй.
    Намъ вотъ нужно кроватку,
    Граммофонъ и часы,
    Мясорубку и кадку,
    Чугунокъ и вѣсы.

Поэтична, какъ... Гейне,
Мина хочетъ какъ разъ,
Чтобы „Стражу на Рейнѣ“
Пѣлъ пружинный матрасъ.
„Wacht am Rhein“ — то для Мины,
А себѣ я пока
Отберу для машины
„Маршъ второго полка“.
Вы намъ часики-бъ дали,
Чтобы громко предъ сномъ
Deutschland, Deutschland играли
И стрѣляли при томъ.
— Вкусъ у барина тонкій...
— Какъ сказать, — не хвалюсь, —
Но у насъ съ милой женкой
Поэтическій вкусъ!..

ГЕРОЙ.

Все поетъ красотка Мина,
Все поетъ,
И печально у камина
Слезъ не льетъ.
Отчего у Мины мина
Весела?
Отчего красотка Мина
Расцвѣла?
Отчего горятъ и уши,
И лицо?
Получилось отъ Карлуши
Письмецо.
Ахъ! прислалъ письмо любимый
Лейтенантъ.
Пострадалъ онъ за родимый
Фатерландъ.

— „Отъ макушки и до пятки
Весь я твой,
А пишу письмо изъ Вятки
Снѣговой.
Впечатлѣній новыхъ масса.
Плѣннымъ тутъ
Каждый день дается мяса
Цѣлый пудъ.
Хороша неволя наша,
Сущій рай:
Борщъ, блины и съ саломъ каша
Черезъ край.
Гдѣ-то тамъ бои Мааса,
Львовъ да Льежъ,
А у насъ и щи, и мясо —
Ѣшь да ѣшь.
Говорятъ, что будто скоро
Пасъ войнѣ.
Отъ такого отъ позора
Тошно мнѣ.
Нужно бить враговъ остатки,
Помнить честь.
Кстати, мяса въ этой Вяткѣ
Вѣкъ не съѣсть:
Тутъ и каша, и свинина —
Все горой.
О, прощай, красотка Мина,
Твой герой...“

РОЗА.

— Фрейленъ Роза, да иль нѣтъ?
дай отвѣтъ!
пѣлъ кадетъ.
— Роза-греза, вы мой свѣтъ,
вамъ сонетъ...
Нылъ поэтъ.

Фрейленъ Роза — стрекоза,
стрекоза,
егоза,
Глазки-ласки, ой, глаза!
ой, глаза,
ой, глаза!

Служитъ фрейленъ безъ заботъ,
безъ работъ
пятый годъ
Въ магазинѣ фрау Скоттъ,
фрау Скоттъ,
(ну и скотъ!)

———

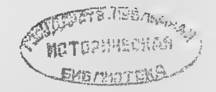
Фрейленъ Роза, что голубка.
Такъ чиста.
У нея не ротъ, не губка,
А уста.
Глазки Розы — сказки грезы.
Такъ чисты!
И не пальчики у Розы, —
А персты.
Въ взглядѣ дѣвственно суровомъ
Грусть — мечта.
Ну, сказать короче, словомъ, —
Красота!
Баста! скажетъ фрау въ кассѣ,
Закряхтитъ.
Фрейленъ Роза на Fürststrasse
Полетитъ.
Сядетъ въ темненькомъ биргалле
За пивко.
Полетитъ душою въ дали
Высоко.

— Скоро съ Миною поѣдемъ
Въ чудный рай,
Къ русскимъ барамъ и медвѣдямъ
Въ дальній край.
Въ модный съ Миною поступимъ
Мы „kabak“.
Брилліантовъ тамъ накупимъ.
Вотъ такъ такъ!
На брегахъ столичныхъ Невокъ
Есть угаръ.
Любитъ страсть блондинокъ — дѣвокъ
Der бояръ.
А вернемся мы съ морозу
въ Фатерландъ,
Будетъ сватать фрейленъ Розу
Лейтенантъ.
А покуда — трудъ да дѣло...
Напримѣръ, —
Вотъ садится къ фрейленъ смѣло
Пьяный герръ,
Потный, грязный, обнимаетъ
И плюетъ,
И двѣ марки обѣщаетъ, —
— Хоть впередъ!

Гопъ, двѣ марки! гопъ ля-ля!
Гопъ ля-ля! гопъ ля-ля!
Роза, пой! дрожи земля!
Ля-ля-ля, ля-ля-ля!

Я счастлива, видитъ Gott,
Дай мнѣ въ ротъ
Буттербродъ,
Требуй пива, пьяный скотъ,
Глупый скотъ,
Грязный скотъ!
Пой, гуди, пляши, кретинъ!
Пой кретинъ!
Жарь кретинъ!
O, mein liebe...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 50 к.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и на станціяхъ жел. дорогъ.

Гип. Акц. О-ва Тип. Дѣла
въ Петроградѣ.

